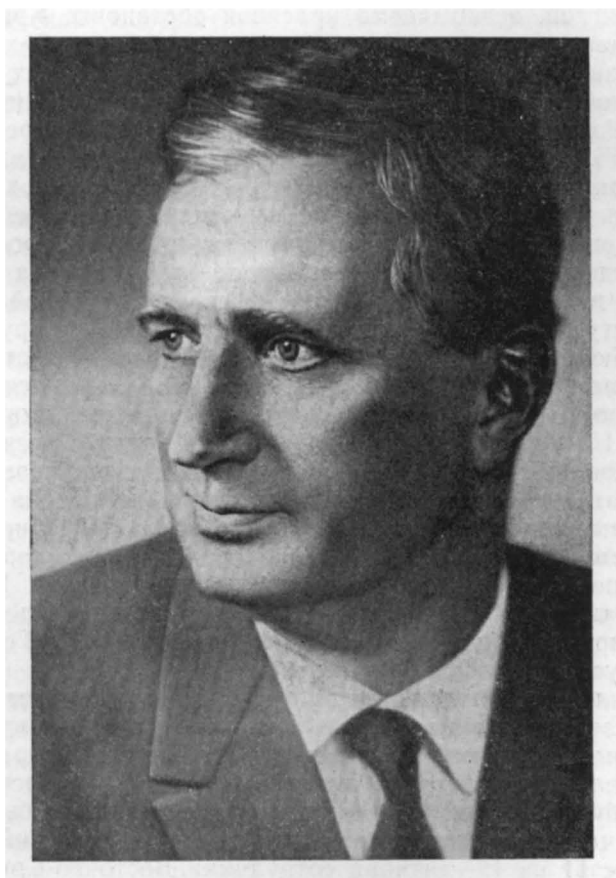

К 70-ЛЕТИЮ МИХАИЛА ВЛАДИМИРОВИЧА МУРАТОВА

13 марта 1978 г. исполнилось 70 лет Михаилу Владимировичу Муратову, одному из виднейших советских геологов-тектонистов, члену-корреспонденту Академии наук СССР, председателю Межведомственного тектонического комитета при Отделении геологии, геохимии и геофизики АН СССР, нашему уважаемому и дорогому сотоварищу по работе в редакционной коллегии геологического отдела Бюллетеня МОИП. Михаил Владимирович родился в Москве, в семье военного.

Отец его был офицером, а позднее — генералом царской армии, с первых дней Октябрьской революции перешедшим на сторону Советской власти; он продолжал военную службу в Красной Армии, а затем, до конца своих дней (1934), занимался преподаванием в военных академиях, передавая свой опыт кадрового офицера молодым командирам.

В 1924 г. Михаил Владимирович поступил на физико-математический факультет Московского (тогда — 1-го Московского) государственного университета, который и закончил в 1930 г. по специальности геология. Однако в полевых геологических исследованиях начал он участвовать значительно раньше — с 1927 г. — в качестве коллектора в геологических партиях А. Д. Архангельского и Д. В. Соколова, проводивших геологическую съемку Восточного Крыма. Геология Крыма и стала первым научным увлечением молодого геолога Муратова.

Было несколько причин, почему именно Крым стал таким увлечением. Прежде всего, конечно, сыграли роль воспоминания детства, когда (в середине 10-х гг.) маленький мальчик Миша Муратов жил в благостной, мягкой, незабываемо красивой обстановке Крыма. На эти впечатления наложились личные воспоминания о первой мировой войне. Отец Миши служил в это время одним из старших командиров Севастопольской крепости. Как известно, в начале войны в Босфор прорвались «Гебен», новейший германский линейный крейсер, и легкий крейсер «Бреслау». Наперегонки со смертью пробежали они с запада на восток через Средиземное море, ускользнув от английских эскадр. Появление на Босфоре этих германских кораблей убило вхождение Турции в войну в союзе с Германией и Австро-Венгрией.

«Гебен» сделался грозой слабовооруженных судов на Черном море. Однажды днем он появился у Севастополя. Подойдя довольно близко к берегу, «Гебен» открыл по крепости огонь из орудий главного калибра. Люди на берегу, причастные к обороне Севастополя, с нетерпением ждали, когда «Гебен» взорвется, ибо находился он на донных минных полях, включенных в электрическую сеть морской обороны крепости. Но взрыва не последовало. Выпустив с десяток 11-дюймовых снарядов, «Гебен» ушел большим ходом, неся перед носом огромный бурун пены. Позднее выяснилось, что минные поля в эти минуты были почему-то отключены от электросети. Отец Миши вернулся в тот день домой мрачным, постаревшим. На сына это событие произвело сильнейшее впечатление, запомнившееся надолго. Рассказывая об этом двенадцатью-тринадцатью годами позднее, студент Муратов не пытался скрыть огорчения за неуспех во встрече с «Гебеном» русской армии, русского флота, своего отца...

Самым сильным крымским ощущением молодых лет оказалось сентябрьское землетрясение 1927 г. Значительное землетрясение произошло в Крыму и в июне, но в газетах его расписали крайне преувеличенно, и геологи недоверчиво настроились к возможности подобных сообщений в будущем (заметим, что в то время еще не было известно о достаточно частой повторяемости сильных землетрясений в Крыму). И вот в ночь с 11 на 12 сентября сотрудники Восточно-Крымской партии А. Д. Архангельского, спавшие в большой комнате в одном из прибрежных поселков, проснулись от тяжелого, все нараставшего подземного гула, зловещего треска балок над потолком, беспорядочного колебания кроватей. Зажгли свет. Андрей Дмитриевич быстро надел очки, спустил ноги с кровати, почему-то сразу взялся за свои носки и сказал коротко: «Это — очень сильное землетрясение! Вставайте-ка!».

Это был первый в жизни Муратова доказательный пример приложения геологии к реальной жизни. Не к образцам горных пород или

ископаемой фауны в стеллажах, не к раскрашенным геологическим профилям с затейливо нарисованными складками, а к суровой действительности, обернувшейся в ту ночь для Крыма человеческими жертвами (к счастью, немногочисленными), ранеными, разрушенными постройками. И было это все в Крыму, в его—Муратова—Крыму, который он уже по-настоящему полюбил. Как потом оказалось — на всю жизнь.

Студентом написал он свою первую работу — «Отчет по исследованию Крымского землетрясения 12 сентября 1927 г.». В последующие годы Михаил Владимирович опубликовал ряд статей по геологии Крыма, среди которых были как частные, касавшиеся конкретных вопросов геологического строения отдельных участков, так и более общие, трактовавшие о стратиграфических и тектонических соотношениях более обширных районов Крыма. О необходимости широкого сравнительного историко-геологического анализа при региональных исследованиях говорили учителя — и А. П. Павлов, и А. Д. Архангельский, и особенно Н. С. Шатский. Совершенно отчетливо чувствовал его необходимость по собираемому фактическому материалу сам Муратов. И это заставило его широко обращаться к соседним областям того же молодого складчатого пояса, в который входил и Крым. В некоторых областях, как на Кавказе или в Карпатах, можно было основываться не только на литературных источниках, но и на результатах собственных полевых работ, которые Михаил Владимирович стал все шире применять для познания геологии этих областей. Для зарубежных территорий приходилось довольствоваться литературными материалами. Количество этих данных возрастало, и все яснее определялись контуры первой большой сводной работы, завершенной Муратовым в конце 40-х гг.

Но уже за много лет до этого юношеское увлечение геологией Крыма, с необычной романтической подоплекой этого увлечения, уступило место более сильному и глубокому чувству — настоящему научному интересу к большой сложной и поэтому во многом неясной и даже противоречивой геологической проблеме. Да, конечно, Крымские горы — это молодое складчатое сооружение. Как и Кавказ и Карпаты. Но между ними вовсе нельзя поставить знака равенства. Это все — альпиды, но разные. И к тому же они и похожи и не похожи на Альпы. Почему?

Думается, что стремление ответить на такие «почему?» (а их оказалось много на жизненном пути Муратова), ответить прежде всего самому себе, во многом определило его творческий почерк. Не торопясь, спокойно начинал Михаил Владимирович разматывать очередной запутанный клубок нитей, ведущих в разных направлениях. Эти направления вырисовывались постепенно. Помимо основных появлялось несколько хотя и важных, но второстепенных. А там еще были ниточки, которые вели вроде бы совсем в сторону; но и они были существенны и имели значение для конечного результата.

И здесь геолога Муратова охватывали чувства, часто остававшиеся — как это ни удивительно! — не замеченными его товарищами и сотрудниками. Всем было хорошо известно его неизменное спокойствие, высокая степень сдержанности (подчас граничившая с холодностью), всегдашняя рассудительность, методичность, последовательность суждений. Но лишь немногие угадывали в этом ученом глубоко скрытую, подлинную страстность натуры — научной и человеческой. В периоды, когда эта страстность пробивалась ближе к поверхности (что обычно сопутствовало наиболее важным выводам и заключениям очередной

большой работы), Муратов становился заметно более энергичным, резким в устной полемике; он не уставал спорить, доказывая свою правоту на основании многих размотанных клубков — и важных, и второстепенных.

Путь получения этих доказательств нередко бывал длинным, извилистым, кое в чем с первого взгляда даже непонятным. Несколько десятков лет занимался Михаил Владимирович геологическим строением и геологической историей срединно-восточной части альпийского складчатого пояса Евразии — Карпат, Крыма, Кавказа, складчатых сооружений Турции и Ирана. И вдруг появилась подробная его статья о строении древней, эпипротерозойской Индийской платформы. Зачем она понадобилась Муратову в контексте всех других работ по альпийскому поясу? Не будем забегать уж слишком далеко вперед. Мы увидим дальше, насколько обоснованно и продуманно было это кажущееся отвлечение от основной линии его творчества.

Сочетание внешнего спокойствия, сдержанности, даже некоторой холодности с внутренней страстностью представляет далеко не частое явление. Мы думаем, что для понимания особенностей характера Михаила Владимировича Муратова — ученого и человека — это сочетание имеет первостепенное значение.

Возвращаясь теперь к более или менее хронологическому рассказу о жизни и научной деятельности Михаила Владимировича, отметим, что до завершения своей первой сводной работы по альпийскому поясу юга европейской части СССР он попутно выполнил ряд исследований, вызванных запросами сегодняшнего дня. Так, в 1940 г. был опубликован учебник Б. Я. Меренкова и М. В. Муратова «Неметаллические полезные ископаемые»; в течение нескольких лет он был одним из важнейших учебных и справочных пособий по неметаллическим минеральным ресурсам СССР. Будучи во время Великой Отечественной войны в Семипалатинске (1941—1943), куда был эвакуирован Московский геологоразведочный институт, Михаил Владимирович занимался геологическими исследованиями Калбы, что нашло отражение в его публикациях.

После завершения войны Муратов вернулся к полевым работам в альпийском поясе. Начатая им в конце 30-х гг. геологическая съемка Восточного Крыма в масштабе 1 : 100 000 продолжалась во второй половине 40-х гг. и была выполнена настолько тщательно, что эти карты не претерпели существенных изменений при позднейшем более детальном картировании. В это же время Михаил Владимирович активно участвовал в исследованиях строения Восточных Карпат, организованных А. А. Богдановым.

Огромное место в жизни М. В. Муратова занимала и занимает педагогическая деятельность. Начал он ее в Московском геологоразведочном институте сразу после окончания университета. В 1938 г. Михаилу Владимировичу по совокупности опубликованных работ была присвоена степень кандидата геологических наук, и в том же году его утвердили в звании доцента. С этого времени и начал Муратов вести на кафедре исторической геологии МГРИ курс геологии СССР, который в течение нескольких десятков лет читал студентам разных специальностей. Количество его учеников исчисляется многими сотнями.

В 1948 г. Михаил Владимирович подвел черту под первым этапом своих исследований альпийской геосинклинальной области юга европейской части СССР и сопредельных стран, защитив докторскую диссертацию на эту тему. В печати работа появилась в 1949 г., а в 1951 г. была удостоена Государственной премии.

Первое крымское научное увлечение Михаила Владимировича, переросшее затем в глубокий и серьезный интерес в отношении одной из важнейших проблем геологии альпийской складчатой области — Евразии, получило первое завершение. Но это вовсе не означало прекращения исследований по крымской или, точнее говоря, околокрымской тематике. Изучение геологического строения и геологической истории Крыма безжалостно обрывалось природой едва ли не в самом интересном месте — сразу к югу от полуострова располагается глубоководная зона Черного моря. Море же скрывает западные продолжения складчатых сооружений Кавказа, северные продолжения хребтов Анатолии. М. В. Муратов вслед за Н. И. Андрусовым, А. Д. Архангельским, Н. М. Страховым занялся историей формирования Черноморской котловины. На протяжении четверти века он опубликовал об этом несколько работ, высказываясь в некоторых из них существенно отлично от того, что говорил в более ранних статьях — либо из-за нового фактического материала, либо из-за иной его интерпретации в свете нового подхода ко всей проблеме в целом. Однако все эти работы объединяет стремление возможно полнее уяснить особенности возникновения и развития глубокой Черноморской впадины и установления соотношений этих процессов с тем, что наблюдается для других внутренних и окраинных морей океанов, а также для самих океанов.

Отсюда родился интерес к процессам развития океанов, и Муратов пришел здесь к некоторым интересным выводам. Пришел самостоятельно, хотя у него и были предшественники — А. Д. Архангельский (1941), Г. Штилле (1948), В. В. Белоусов (1955). Мы имеем в виду признание им возможности принципиального изменения строения земной коры обширных участков континентов в случае погружения их под воды океана, когда на площади таких участков редуцируется полностью или в значительной мере так называемый «гранитный» слой коры, так что осадочный покров ложится прямо на «базальтовый» слой.

Включение в сферу своих интересов геологии океанических территорий сразу вывело Муратова далеко за рамки альпийского пояса Евразии. Но Михаил Владимирович не только не перестал заниматься его строением и историей, а резко увеличил интенсивность исследований и расширил их на всю западную часть пояса. Когда советские ученые начали ездить в зарубежные страны — в первой половине 50-х гг., то посещение Египта, Югославии, Франции, где он проводил полевые маршруты, дало ему много данных, которые нельзя было почерпнуть лишь из изучения литературы, хотя количество ее с описываемого времени сильно возросло и продолжает возрастать.

И здесь Михаил Владимирович пришел вскоре к интереснейшему и очень важному выводу относительно того, что Средиземноморский геосинклинальный пояс, считавшийся ранее существовавшим едва ли не в течение всего фанерозоя, в действительности существует в большинстве областей лишь с мезозоя, часто — с позднего. В основе же пояса лежит байкальский складчатый фундамент, на котором в разных местах в разное время закладывались отдельные геосинклинальные трюги. Только для немногих из них (южный склон Большого Кавказа, Динариды, некоторые другие участки) удастся непрерывно проследить их геосинклинальную историю со второй половины палеозойской эры. Подавляющее большинство других геосинклиналей заложилось здесь значительно позднее.

Данные о молодом возрасте геосинклиналей Средиземноморского пояса и древнем возрасте его фундамента существовали и до того, как этим вопросом занялся Муратов. Но ему принадлежит заслуга сум-

мирования и систематизации всех этих данных, заставляющая по-новому взглянуть на такое, казалось бы, с давнейших пор непрерывно существующее геосинклинальное образование, за которое в течение десятков лет принимался Средиземноморский пояс. В свете соображений о гораздо большем значении в его строении древних образований приобретает совершенно иной смысл статья Муратова об эпипротерозойской Индийской платформе. В ней, пусть и не детально, были затронуты соотношения подземных склонов древних Индийской и Аравийской платформ (вероятно, сливавшихся в недалеком — мезозойском — прошлом) и осторожно высказаны соображения о древнем же, байкальском, возрасте складчатости многих пространств Средиземноморского пояса. Позднейшие более детальные работы об удревнении возраста основных структур пояса, показавшие справедливость соответственных первых представлений на этот счет, очень ясно показывают, что работа об Индийской платформе была заранее хорошо продумана, а вовсе не являлась случайным и неожиданным ответвлением далеко в сторону.

Скорее всего, что в значительной мере подобного же рода причинами были обусловлены и работы по анализу древней Восточно-Европейской платформы — Муратову надо было уяснить ее соотношение с альпийским геосинклинальным поясом. Как известно, эти исследования привели к чрезвычайно интересному выводу: оказалось, что два указанных крупнейших геотектонических элемента на протяжении многих сотен километров разделены сооружениями дотоле неизвестной мезозойской платформы, названной Муратовым Скифской.

Михаил Владимирович много ездил за границу в последние 15—20 лет. Помимо перечисленных выше стран укажем, что он побывал также (притом с возможностью ознакомления с геологией страны) в Англии, Афганистане, Румынии, Турции, Австралии, Японии. Он был участником ряда международных геологических конгрессов, происходивших за рубежом — в Мексике (1956), Дании (1960), Индии (1964), Чехословакии (1968). Эти поездки очень способствовали расширению геологического кругозора Михаила Владимировича.

Способствовало этому и участие в составлении и редактировании обзорных тектонических карт разных территорий, особенно, карты СССР и сопредельных стран, составлявшейся под общим руководством Н. С. Шатского. За участие в составлении и редактировании несколькими годами позднее тектонической карты Евразии М. В. Муратов, в числе других товарищей, вторично получил (1969) звание лауреата Государственной премии СССР.

В самые последние годы Михаил Владимирович в своих исследованиях все глубже опускается по геологической колонке, все больше занимается вопросами древней и древнейшей геологической истории Земли и со все более широких позиций подходит к рассмотрению этих вопросов, о чем хорошо свидетельствует недавно (1975) опубликованная им книга «Происхождение материков и океанических впадин».

Мы пока ничего не говорили относительно научно-общественной деятельности М. В. Муратова. А она настолько разнообразна и разветвлена, что одно перечисление выполняемых им обязанностей составляет внушительный список. Не претендуя на полноту, укажем, что Михаил Владимирович является членом пленума и секции геологии Комитета по Ленинским и Государственным премиям в области науки и техники СССР, членом коллегии ВАК, заместителем председателя совета по высшему геологическому образованию Минвуза СССР, главным редактором журнала «Геотектоника», членом редколлегий не-

скольких других геологических журналов и т. д. Следует подчеркнуть, что один из таких журналов — «Известия вузов» — начал выходить в свет в значительной мере по инициативе М. В. Муратова, который первые годы издания был главным редактором геологоразведочной серии этого журнала. В начале статьи мы говорили, что Михаил Владимирович — председатель Межведомственного тектонического комитета при Отделении геологии, геохимии и геофизики АН СССР. Отметим, что Михаил Владимирович, ранее по совместительству работавший в Геологическом институте АН СССР, сейчас не менее плодотворно продолжает эти работы на общественных началах.

Очень давно, с 1934 г., М. В. Муратов тесно связан с Московским обществом испытателей природы. Михаил Владимирович многократно выступал на его заседаниях с докладами и публиковал статьи на страницах Бюллетеня. Уже 27 лет, с 1950 г., руководит он старейшей секцией геологической части Общества — геологической, являясь ее председателем; с 1950 г. — он член редколлегии нашего журнала.

С 1951 г. Муратов — член совета Общества, с 1964 по 1967 г. был председателем комиссии по премиям МОИП, а с 1967 г. он заместитель председателя этой комиссии; с 1975 г. — член президиума Общества. Но это неполное перечисление вовсе не соответствует всему, что делает Муратов по научно-общественной линии. Мы видим здесь и руководство десятками дипломных проектов студентов, и оппонирование самым различным кандидатским и докторским диссертациям, и многочисленные консультации в разных районах Советского Союза, и отзывы, и редактирование публикуемых книг и т. д. и т. п. Просто трудно себе представить, как один человек может справиться с таким огромным объемом работы!

А ко всему этому надо прибавить чтение лекций, руководство кафедрой региональной геологии и палеонтологии МГРИ и, наконец, собственную научно-исследовательскую работу. С почтительным удивлением мы должны отозваться о поразительной работоспособности Михаила Владимировича Муратова.

Его заслуги перед советской геологией оценены правительством нашей страны — Михаил Владимирович награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалями.

Признанием широких кругов геологической общественности служит то уважение, которым неизменно пользуется М. В. Муратов в любой аудитории, в любой обстановке, в которой собираются геологи разных республик и краев Советского Союза.

Мы сердечно приветствуем Михаила Владимировича с его 70-летием, желаем ему здоровья, сил, душевного спокойствия и свершения задуманных им работ.

*Б. А. Петрушевский, Г. С. Вартанян, Л. Б. Казьмина,
А. А. Маракушев, Е. Е. Милановский, Д. П. Найдин,
А. И. Пермькова, С. П. Сороколетова, С. В. Тихомиров,
В. М. Цейслер, В. И. Чернов, В. Н. Шиманский,
А. Е. Шлезингер, Н. А. Штрейс, А. Л. Янин*
